

В лагере Мацудаира они провели все утро - и начало дня - на тренировках. Но когда надвигалась гроза, командир посмотрел на темные, тяжелые тучи и решил, что сейчас самое подходящее время для передышки - он не хотел, чтобы порох намокал.

И вот они собрались в своих палатках, спасаясь от самого сильного дождя, и сидели измученные, радуясь возможности сесть и поесть.

Однако их заставили оставаться вооруженными, потому что тренировки возобновятся, как только дождь утихнет - и многие поймали себя на том, что хотят, чтобы этого никогда не случилось.

Их командир был серьезным человеком и, казалось, лично обижался, когда они отдавали что-то меньшее, чем их максимальные усилия. Он всегда ожидал от них самого лучшего и безжалостно обучал их.

Но когда пришло время для них расслабиться, он стал одним из мужчин и нашел время поесть с ними у теплого огня, узнав больше о тех, кто служил под его началом. Это породило товарищество, которое было необычно для такой большой армии, и, несмотря на все, что он ожидал от них, они все еще старались не подвести его.

Теперь, когда дождь пошел на убыль, он прогуливался по лагерю и здоровался с людьми, мимо которых проходил.

-Ах, Араи, ты все еще улыбаешься! Мне кажется, я никогда не видела тебя таким несчастным. Есть какие-нибудь советы для сварливого старика?

Солдаты неосторожно отвечали на игривые вопросы командира, зная, что он не обидится, как бы грубо они ни шутили.

- Я думаю, секрет не в том, босс, что Араи не хватает хорошего комплекта наверху!

Один из друзей Араи ответил от его имени, и все мужчины рассмеялись, Араи в том числе был расстроен, его улыбка только расширилась, и он согласился со своим другом.

- Думаю, это правда.

Добродушно сказал он.

Это была реакция, типичная для солдат армии Мацудаира. Внутри них Мацудаира намеренно воспитывал легкую натуру, которая начиналась с самого верха, с его терпения и снисходительности к своим офицерам. Он испытывал огромное отвращение к поведению членов Совета Имагавы, когда они открыто огрызались друг на друга по самым незначительным причинам и делали все возможное, чтобы извлечь хотя бы малейшее

удовольствие из того, чтобы сделать чей-то день еще хуже.

Он активно наказывал любого, кто выходил за рамки дозволенного в этом отношении. Он учил своих офицеров следовать его идеалам, и если новобранец из всех сил старался не отставать от них, то с ними заговаривали, но в их словах не было злобы. Все должно было оставаться дружелюбным, все остальное было ненужным.

Поведение офицеров и расслабленное отношение, которое они проявляли, вскоре передалось и солдатам, так как они были в состоянии справиться со стрессовой задачей изучения новых методов, не опасаясь быть разорванными на части другими людьми, если они отстанут.

Он сделал это просто потому, что считал ее идеальной, и это была та среда, частью которой он хотел быть. Но, помимо его предсказаний, это также дало хорошие результаты на поле боя, как это было заметно в осаде морской пехоты.

Товарищ, которого эти люди вскоре привели к повышению морального духа и спокойствию перед лицом опасности, поскольку они использовали мышление, которое они приняли во время обучения – терпение и постоянную работу.

БУМ

БУМ

БУМ

Когда он разговаривал с группой своих людей, они слышали отдаленные звуки взрывов. Он отличался от стрельбы, к которой они так привыкли, – впрочем, это не было обычным делом, поскольку их армия была единственной под командованием Имагавы, которая использовала фитильные замки.

Мужчины напряглись, понимая, что это серьезно.

- Спокойно

Ответил Мацудаира, обращаясь к одному из сопровождавших его офицеров.

- Собери людей. Мы будем исследовать этот шум, как если бы это был звук вражеской стрельбы. Не имеет значения, если это окажется не так – это будет хорошей практикой для правильного построения наших формирований.

Приказал он, предлагая ответы на вопросы человека, прежде чем тот успел их озвучить. Это была еще одна причина, по которой подразделение было так тесно сплочено – офицеров всегда держали в курсе, а информированные офицеры означали информированных и уверенных людей.

- Сэр!

Он чопорно поклонился в пояс, затем повернулся и побежал трусцой, чтобы начать собрание.

- Как вы думаете, босс, это действительно вражеская стрельба?

С любопытством спросил один из мужчин. Это, конечно, не звучало так.

Мацудайра пожал плечами и честно ответил:

- Я не уверен, но мы обязательно это выясним. Вы готовы к бою?

Мужчина согнул руку и похлопал себя по бицепсу, словно демонстрируя свою силу.

- Это они должны быть готовы!

Остальные мужчины кивали. Никто из них не испытывал страха при мысли о битве. Какими бы силами ни располагал противник, они, скорее всего, будут численно уступать им. Кроме того, они были уверены в своей подготовке и были готовы продемонстрировать силу фитильного замка.

Мацудайра похлопал его по плечу.

- Это совершенно правильное отношение. Мы обязательно их раздавим.

С этими словами он повернулся и пошел обратно к своей палатке, надев боевые доспехи, прежде чем сесть на коня и поскакать вперед своих людей, которые все были готовы и ждали.

Он был осторожным человеком и приказал им идти вперед в оборонительной форме, с ветеранскими подразделениями Яри, прикрывающими оба крыла в случае фланговой попытки, и опытными людьми, прикрывающими их тыл. В центре находились 1000 человек с фитильными замками, каждый из которых держал заряженную винтовку, готовую выпустить смерть при малейшем нажатии на спусковой крючок.

К этому времени Ода уже приближался к лагерю Окабе – или, по крайней мере, к тому, что от него осталось. Его люди яростно скакали за ним, загоня лошадей до предела, в то время как пехота позади них бежала неровно, пытаясь догнать их.

Вдоль каждого лагеря протекали ручьи, которые приходилось перепрыгивать, но для лошадей они не представляли никакой проблемы.

Они прорвались сквозь ряды палаток – иногда даже сквозь сами палатки, заставляя их рухнуть на пол – и рассыпались веером по обширной территории, которую покрывал лагерь.

Те, кто был достаточно глуп, чтобы двигаться медленно, издавали крики, когда их рубили. Некоторые пытались бежать, но их конец ничем не отличался, только меч рассекал им спины, а не рассекал спереди.

Кавалерия ничуть не замедлила шаг, когда они сравнивали лагерь с землей, срубая все, что стояло на их пути. С теми, кого им не удастся убить, разберется пехота, идущая за ними, поэтому ни один из них не изменил своего курса и не пустился в погоню.

Одна вещь была до неприличия очевидна уже через несколько минут пребывания в лагере: они были несколько подготовлены к их приходу. Только около 2000 человек остались позади, что было намного меньше, чем они ожидали найти.

Некоторые из них были полностью вооружены, а другие едва одеты. Но все они бежали в одном направлении.

- Их предупредили...

Нобунага выругался. Но кто это сделал? Огонь был слишком далеко от них, чтобы что-то разглядеть, а отдаленных взрывов было недостаточно, чтобы привлечь их внимание. Всадник не мог быть послан, так как им потребовалось бы больше времени, чтобы мобилизоваться из-за того, что лошади были расседланы и отдыхали.

Кто же тогда?

В голове Нобунаги мелькнуло лицо.

- Он? Тот человек в черном? Это возможно... но откуда он мог знать, что я приду сюда?

Он спросил себя, прежде чем понял, что такой ответ был очевиден: это был ближайший лагерь к лагерю Окабе.

Он выплеснул свое разочарование, убив еще одного человека, кровь забрызгала бок его лошади. Влажная почва под этими четырьмя копытами разбрызгивалась повсюду, воняя опустошением, когда комья летели к глазам лошадей за его спиной.

Но они уже привыкли к таким мелочам, и даже не вздрогнули, когда она выплеснулась на их людей-ероев. Они просто делали то, что показывал их Дайме, и обрывали жизни еще большего числа людей.

Он мягко направил своего коня по извилистой тропинке, когда они повернули, и острие стрел

позади него великолепно последовало за ними. В этом и была прелесть такого образования. Это позволяло самым дальним людям все время одним глазом следить за своим командиром, так что изменения движения могли быть сделаны быстро.

Он шел по тропе, по которой бежали толпы, рубя все, что попадалось ему на пути, и крича от ужаса.

Решение Мацудайры двигаться было подтверждено, как правильное, так как вскоре они увидели возвышающийся ад, который лизал пятки окружающих деревьев, угрожая сжечь их до основания.

Дым висел в воздухе, как густой туман, и идти по нему было очень неудобно – к тому же дезориентируя, – и они не могли видеть лагерь Имагавы, пока не наткнулись на него.

К удивлению командира, внутри лагеря царил хаос, люди носились туда-сюда, вооружаясь. Он ожидал, что подобные приготовления будут завершены гораздо раньше, чем они были, и все же ему еще предстояло увидеть Имагаву.

Он слегка покачал головой, удивляясь некомпетентности человека, которому был вынужден служить, и бросил взгляд на стену пламени. Если бы не это, он готов был поспорить, что лагерь был бы уже стерт с лица земли атакующими силами.

Он недоумевал, почему враг не решил сделать это в первую очередь, вместо того, чтобы сеять семена хаоса своим массированным огнем и многочисленными взрывами. Хотя он полагал, что в конечном счете преимущество все равно будет на стороне врага, поскольку они, без сомнения, будут сеять хаос в других местах.

Он испытывал некоторое уважение к Оде, который, несмотря на свою многочисленность, не выказывал ни малейших признаков слабости и теперь причинял такой страх и ущерб рядам врага, что далеко превосходил его самого.

С этой мыслью появился Имагава, облаченный в тяжелую боевую броню, изготовленную по индивидуальному заказу талантливым оружейником, так что нагрудник мог свободно обхватывать его здоровенный живот.

Его элитная гвардия выехала перед ним, огромный квадратный щит закрывал больше половины их тел. Их главной целью было защитить Имагаву от повреждений, в том числе от снарядов, и поэтому они действовали в основном как передвижная стена, которая будет окружать его все время. Условия их роли были настолько абсолютными, что им запрещалось носить оружие, и у них были только щиты. Это было сделано для того, чтобы предотвратить любые попытки прорвать строй, чтобы убить врага, и чтобы они могли все время оставаться рядом со своим Дайме.

По правде говоря, это выглядело немного нелепо, и ему было неловко находиться рядом с ним

на поле боя. Он сомневался, что Ода будет окружен элитной охраной, хотя, скорее всего, он все еще стоял в тылу, чтобы более эффективно отдавать приказы.

Лагерь был полон дыма, и люди с трудом дышали. Инстинктивно они выстроились в дальнем конце лагеря, где Мацудайра и его люди уже были готовы и ждали.

Их неустойчивый характер, полный тревоги, резко контрастировал с характером людей Мацудайры, которые, несмотря на жару, оставались холодными как лед, словно тысячи раз сталкивались с подобной ситуацией.

Он полагал, что это различие в философии. Большинство мужчин были обучены очень хорошо справляться с определенными ситуациями. И все же он приучил своих людей относиться ко всему спокойно и дисциплинированно, что бы это ни было.

<http://tl.rulate.ru/book/33825/1101224>